

С. М. БОНДИ

«Все тихо — на Кавказ идет ночная мгла...»

На холмах Грузии лежит ночная мгла,
Шумит Арагва предо мною.
Мне грустно и легко; печаль моя светла;
Печаль моя полна тобою,
Тобой, одной тобой... Унынья моего
Ничто не мучит, не тревожит,
И сердце вновь горит и любит — оттого
Что не любить оно не может.

Все хорошо знают это прекрасное стихотворение, одно из лучших стихотворений Пушкина. Но далеко не все знают или помнят, что эти стихи, напечатанные в первый раз самим Пушкиным, озаглавлены им «Отрывок». Два раза напечатав их под таким названием*, поэт определенно указывал на их композиционную незаконченность, на то, что они или остались недописанными, или представляют собой извлечение, отрывок более крупного написанного или ненаписанного произведения. Специалисты-пушкинисты, а также внимательные его читатели знают также, что стихи «На холмах Грузии» действительно часть более крупного целого, что в рукописи они (помимо ряда вариантов) имеют продолжение. Отдельные, разрозненные строчки этого продолжения приводились несколько раз комментаторами Пушкина**; Валерий Брюсов в своем издании Пушкина в 1920 году напечатал их, по его выражению, «в связном виде»:

---

* В первый раз — в «Северных цветах на 1831 год» (СПб., 1830. С. 56), а затем в третьей части «Стихотворений Александра Пушкина» (СПб., 1832. С. 15); здесь в тексте они не носят никакого названия, в оглавлении же обозначены так: «(На холмах Грузии лежит ночная мгла). Отрывок».

** В первый раз И. А. Шляпкиным: Из неизданных бумаг А. С. Пушкина. СПб., 1903. С. 8.

Со мной одни воспоминанья
 Прошли забытые ..... дни многих лет.
 Где вы, знакомые, бесценные созданья?
 Иные далеко, иных уж в мире нет.
 Я твой по-[прежнему], я вновь тебя люблю,
 И без надежд и без желаний,
 Без темной ревности .... Чиста моя любовь
 И нежность девственных мечтаний*.

Как видим, большой «связности» в этих стихах нет. Хотя в отдельных строках и блестит что-то пушкинское, но в целом — и рифма не соблюдена («люблю» рифмуется с «любовь»), и нет обязательного чередования длинных шестистопных стихов с короткими четырехстопными, да и смысл не везде безупречен («дни многих лет»).

Однако до сих пор было неизвестно, что на самом деле это продолжение Пушкин довел до конца, что в той же черновой рукописи, откуда извлекаются несвязные отрывки, при внимательном чтении можно прочесть, кроме напечатанных Пушкиным восьми стихов, еще целых две строфы — восемь стихов, вполне доделанных и законченных. Для напечатания Пушкин из этих четырех строф взял только половину — «отрывок».

Черновик этого стихотворения написан в большой переплетенной записной тетради (вернее, книге), заполненной материалом главным образом 1829—30 гг. (ПД. № 841)**. Это типичный пушкинский черновик — драгоценный документ, в котором зафиксированы все стадии творческого процесса, сохранена вся его последовательность, все постепенные наслоения, как разрез древесного ствола сохраняет всю историю роста дерева.

На эту особенность пушкинских рукописей, отражающих своеобразие работы поэта над стихом, не раз уже обращали внимание. Редко он садился за стол записать уже придуманные, хотя бы в общих чертах сложившиеся в голове стихи, как большинство поэтов. Большею частью Пушкин творил с пером в руках; он заносил на бумагу почти все моменты своей творческой работы: целый стих, части стиха, отдельные слова, иногда в полном беспорядке, торопливо, в волнении, зачеркивая одно и заменяя другим, снова возвращаясь к первому, опять его зачеркивая и опять восстанавливая... То, что у другого поэта не доходит до бумаги — неясная мысль, слово, которое наверное будет отверг-

* Пушкин А. С. Полн. собр. соч. / Ред., вступ. статья и коммент. Валерия Брюсова. М.: ГИЗ, 1919. Т. 1. С. 298—299. — *Сост.*

** Номер рукописи в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) в Ленинграде, где хранятся все рукописи Пушкина.

нуто, — Пушкин набрасывал на бумагу, сейчас же зачеркивая, иногда не успев даже дописать слова до конца.

В его черновике иной раз мы находим четко и твердо написанный стих, два-три стиха — это запись уже придуманного, сложившегося в уме. С этого обычно у Пушкина и начинается работа, это и есть первое, записываемое на листке. А затем идет лихорадочная, быстрая запись возникающих в голове образов, обрывков стиха, эпитетов... Перо явно не поспевает за мыслью, слова не дописываются, стих не доканчивается, черта заменяет само собой разумеющееся слово. Очень часто Пушкин пишет только начало и конец стиха, оставляя пустое место для середины, которую придумает потом, а сейчас спешит зафиксировать наплывающие новые мысли, слова, ритмы, образы:

Где своенравный произвол
 Менял и разговоры,
 Рассказы, песни шалуна

— потом второй стих оказывался:

Менял бутылки, разговоры.
 («Горишь ли ты, лампада наша»)

Или:

Шумно съехались Адехи
 К сакле старика.
 («Тазит»)

Или:

Она в триреме золотой
 Плывет порой

— в окончательном виде:

Плывет Кипридою младой.
 («Мы проводили вечер на даче»)

Иной раз намечается в стихе только одно слово — рифма, а остальное заполняется потом.

В роскошном покое
 золотое.

Такой набросок после обработки превращается в стихи:

В роскошном сумрачном покое
 Средь обольстительных чудес

Под сенью пурпурных завес
Блится ложе золотое.

(«Египетские ночи»)

Нагромождая слово на слово, вычеркивая, делая вставки, записывая и между строчками, и вкось, и сбоку, Пушкин делает из своего черновика целую сеть с трудом разбираемых строчек, паутину, в которой запутывается читатель его рукописей, и вместе с тем создает драгоценнейший документ, — если мы умеем его правильно и точно расшифровать.

Самое главное, что нужно найти в таком черновике, — это последовательность, в которой он писался — какие слова и фразы сначала, какие после, что зачеркивалось и чем заменялось и т. д. Если мы сумеем найти эту последовательность, мы сможем точно проследить все этапы процесса создания стихотворения, смену мыслей, течение ассоциаций и т. д.

Но черновики Пушкина дают возможность идти и дальше: в них отражается и темп работы, и его изменения, и до известной степени даже душевное состояние творца. Нервное, быстрое набрасывание слов — недописанных, неразборчивых, с пропуском букв, с описками, когда рука не поспевает за мыслью, — это с одной стороны, а с другой — ясно видны остановки, задержки, — поэт в задумчивости обводит пером второй раз очертания букв, поправляет петли у «в», хвостики у «ы» и «ь», рисует на полях черновика...

Эти рисунки, которыми испещрены пушкинские рукописи, если их изучать в связи с окружающим их текстом, служат прекрасными иллюстрациями — не к тем или иным произведениям Пушкина, а к процессу создания этих произведений*. Иногда эти рисунки действительно иллюстрируют текст, иногда же они, по-видимому, никак с ним не связаны и волнуют нас загадочными ассоциациями... Иногда эти рисунки носят особый, своеобразный характер: в черновике неоконченного стихотворения «Когда владыка Ассирийский» («Юдифь»), написав стихи:

Притек Сатрап к ущельям горным
И зрит: их узкие врата
Замком замкнуты непокорным;
Грозой грозитесь высота.

Пушкин исправляет последний стих; вместо него он пишет:

---

* Много ценного высказывает по этому поводу А. М. Эфрос в своей книге «Рисунки поэта» (М.: Academia, 1933), а также в ряде позднейших работ на эту тему Т. Г. Цявловская (см. ее книгу «Рисунки Пушкина», М., 1970).

Стеной, как поясом узорным
 Препоясалась высота *

— и тут же сбоку рисует что-то вроде извивающейся широкой ленты, словно бы рисунком проверяя точность своего сравнения.

И рисунки на полях, и вид рукописи, и характер почерка (иногда крайне выразительный) — все это дает прекрасный материал для изучения наиболее глубоких, интимных сторон «творческой истории», если бы мы всегда умели в нем как следует разбираться.

А между тем это изучение не только интересно для любознательного читателя, не только поучительно для начинающего поэта, но имеет и серьезное научное значение. Здесь лежит ключ к уразумению, к научному объяснению того особого состояния, свойственного поэту в момент творчества, которое Пушкин называл «вдохновением».

Нужно иметь в виду, что в устах Пушкина это слово вовсе не было ни мистическим понятием, ни аллегорическим или метафорическим выражением вроде «музы», «Феба», «лиры»... Нет, Пушкин придает слову «вдохновение» вполне точное, почти физиологическое значение. Это — особое состояние, находящее на поэта время от времени: «расположение души к живейшему принятию впечатлений иображению понятий, следственно и объяснению оных» (*«Отрывки из писем, мысли и замечания»*);

«благодатное расположение духа, когда мечтания явственно рисуются перед вами, и вы обретаете живые неожиданные слова для воплощения видений ваших, когда стихи легко ложатся под перо ваше, и звучные рифмы бегут навстречу стройной мысли...» (*«Египетские ночи»*).

...И мысли в голове волнуются в отваге
 И рифмы легкие навстречу им бегут,
 И пальцы просятся к перу, перо к бумаге,
 Минута — и стихи свободно потекут...

(«Осень»)

Это состояние, по описанию Пушкина, сопровождается рядом чисто внешних, физиологических проявлений, и предшествует ему особое болезненное ощущение — стеснения, беспокойства, волнения...

* Ударение поставлено самим Пушкиным.

...И тяжким пламенным недугом
 Была полна моя глава,
 В ней грезы чудные рождались...

(«Разговор книгопродавца с поэтом»)

И пробуждается поэзия во мне:
 Душа стесняется лирическим волнением.
 Трепещет и звучит, и ищет, как во сне,
 Излиться наконец свободным проявлением...

(«Осень»)

«Итак, для вас не существует, — спрашивает Чарский им-
 провизатора, — ни труда, ни охлаждения, ни этого беспокойства,
 которое предшествует вдохновению...» («Египетские ночи»).

В тех же «Египетских ночах» ярко изображен вид человека,
 охваченного вдохновением: «Лицо его страшно побледнело, он
 затрепетал, как в лихорадке, глаза его засверкали чудным огнем,
 он приподнял рукою черные волосы, отер высокое чело, покры-
 тое каплями пота...». Пушкину уже в ранней юности было зна-
 комо это состояние:

Когда сменяются виденья
 Перед тобой в волшебной мгле
 И быстрый холод вдохновенья
 Власы подъемлет на челе.

(«Жуковскому», 1818 г.)

Столько раз и так точно сделанное описание этого явления,
 конечно, не могло быть просто литературным приемом: здесь
 несомненно, подлинный факт, свидетельство о действительном
 переживании, крайне интересном для физиологов и психологов.
 И внимательное изучение перемаранных и перечерканных чер-
 новиков поэта (тщательно сохранявшихся Пушкиным) могло бы
 очень помочь пониманию этого явления, пониманию самой «ме-
 ханики вдохновения» — по пушкинскому выражению.

Мы еще не умеем пока их расшифровывать со всей научной
 полнотой, мы ищем в них лишь новые (всегда интересные) ва-
 рианты. Самое большое, что мы можем сделать, это расположить
 эти варианты во времени, установить последовательность созда-
 ния произведения. И глядя на черновик Пушкина, мы не столько
 понимаем, сколько смутно чувствуем в нем, как в неподвижной,
 застывшей лаве, следы бурного творческого извержения. Вчиты-
 ваясь в неразборчивые слова и строчки, идя последовательно по
 следам работы поэта, мы невольно заражаемся его волнением.
 Тем, кто работал над черновиками Пушкина (непосредственно

или по снимкам), хорошо знакомо это волнение, это особого рода наслаждение — «следовать за мыслями великого человека...»¹.

Работа текстолога часто представляется каким-то сухим педантизмом, крохоборством (правда, она у некоторых и приобретает такой характер!), но по существу эта работа наиболее далека от крохоборства и сухости: в ней исследователь пытается проникнуть в мастерскую гения, подсмотреть его творческую работу.

Разбирая рукопись Пушкина, мы не всегда можем понять мотивы всех изменений текста, всей этой не только созидательной, но и беспощадно-разрушительной работы поэта, уничтожавшего в процессе создания прекраснейшие, с нашей точки зрения, места — отдельные слова, стихи и даже целые большие куски. Подыскивать эти мотивы, оправдывать сделанные поэтом изменения, считая всякий новый вариант безоговорочно лучше предыдущего, — и пытаться это доказывать (как нередко делают исследователи) — было бы неверно и тем более необидительно, что сам Пушкин очень часто возвращался к старым, ранее отвергнутым вариантам. Мы должны всякий раз констатировать те изменения, которые вносит новый вариант в смысловое содержание, композицию, ритм, звуковую гармонию стихотворения, — и лишь в некоторых случаях можем, со всей осторожностью, догадываться, что именно побудило поэта из нескольких прекрасных возможностей выбрать данную.

Вернемся теперь к разбираемому нами стихотворению «Все тихо — на Кавказ идет ночная мгла...» (так оно начинается в рукописи). Над стихами в автографе сделана торопливая надпись — дата написания их — «15 мая». Это, несомненно, 15 мая 1829 года. В это время Пушкин, только что сделавший предложение Наталье Николаевне Гончаровой и получивший неопределенный ответ от ее матери — полуотказ, полусогласие², — совершал свое «путешествие в Арзрум». 15 мая он был в Георгиевске. Е. Г. Вейденбаум* удачно сопоставил стихотворение

Все тихо, на Кавказ идет ночная мгла.
Восходят звезды надо мною

с тем местом «Путешествия в Арзрум», где Пушкин рассказывает о своей поездке из Георгиевска на Горячие Воды (15 мая). «Здесь я нашел большую перемену», — говорит Пушкин и описывает благоустроенный бульвар, чистенькие дорожки, зеленые

* Русский архив. 1905. № 4. С. 676—677.

лавочки, правильные цветники и т. д. «Мне было жаль их прежнего, дикого состояния; мне было жаль крутых каменных тропинок, кустарников и неогороженных пропастей, над которыми, бывало, я карабкался. С грустью оставил я воды и отправился обратно в Георгиевск. Скоро настала ночь. Чистое небо усеялось миллионами звезд. Я ехал берегом Подкумка. Здесь, бывало, сживал со мною А. Р<аевский>, прислушиваясь к мелодии вод. Величавый Бешту чернее и чернее рисовался в отдалении, окруженный горами, своими вассалами и, наконец, исчез во мраке...»

Полный этими впечатлениями, воспоминаниями о своей жизни на Кавказе девять тому лет назад, Пушкин в тот же день пишет стихотворение, в котором звучит тот же мотив воспоминаний о прежней любви, снова в нем вспыхнувшей (см. зачеркнутые слова черновика: «Я снова юн и твой...»).

Попробуем, глядя на рукопись, восстановить в общих чертах последовательность создания этого стихотворения. Судя по виду автографа, первая строфа (четыре стиха) была уже придумана; она записана в готовом виде твердым, ясным почерком:

«Все тихо — на Кавказ ночная тень легла
 Мерцают звезды надо мною —
 Мне грустно и легко — печаль моя светла
 Печаль моя полна тобою» *.

Затем Пушкин изменил первые два стиха: в первом «ночная тень легла» заменены сначала словами «сошла ночная мгла», а затем исправлено — «идет ночная мгла»; во втором вместо «мерцают» написано «восходят».

Вот транскрипция этой строфы **:

идеть
 [сошла] *** 15 мая
 Все тихо — на Кавказъ ночная [тьень] легла ****
 [Восходятъ]

* В верхней части страницы в пушкинской тетради, справа, был, еще до написания Пушкиным текста стихотворения, вырван кусочек бумаги. Поэтому слова «легла» и «светла» Пушкину пришлось написать не вплотную к соседним словам («тьень» и «моя»).

** Ввиду отсутствия в типографском шрифте букв «ять» и «фита» они заменяются в этой и следующей транскрипциях буквами «е» и «ф».

*** В транскрипции поставленное в прямые скобки обозначает зачеркнутое Пушкиным.

**** В слове «легла» Пушкиным буква «е» написана без петельки (см. снимок), так что в начертании это слово случайно совпало со словом «мгла». Пушкин только слегка подправил первую букву.

Тобой, одной тобой — унынья моего
Ничто не мучит, не тревожит.

Последние полтора стиха придумались сразу и больше не исправлялись.

Третья строфа интересна радикальными изменениями ее содержания в процессе работы.

Прошли За днями [из] <[сокрылось]>
[долгие] [померкло] [промчалось]

[Пр] Дни <[многие]> [прошли] — — — [на свете] многих* [л]еть
[любимыя] [много]

[И много] [въ мире] [изменилось]

Где вы, [знакомыя] созданья
безценныя

Иные [и сколькихъ]

[Иные] далеко [многихъ] [нетъ] —

Иныхъ ужъ въ мире нетъ —

Начиналась эта строфа, по-видимому, так:

Дни многие прошли, на свете многих нет**
И много в мире изменилось

— с тоекратным повторением слова «много».

«Дни многие» были заменены словами «дни долгие», но зато во втором стихе вместо «И много в мире изменилось» было поставлено «И много, много изменилось».

Затем, восстановив снова «Дни многие прошли...», остальное Пушкин совершенно переделал:

...промчалось много лет***
Где вы, знакомые созданья?

Вместо «промчалось» было затем написано «померкло», «из», т. е., вероятно, начало слова «исчезло», и, наконец (после колебаний), — «сокрылось много лет»; вместо «знакомые созданья» было «любимые» и, окончательно, «бесценные созданья». В конце концов эти два стиха получили такой вид:

* «Многих» переделано в «много».

** Судя по зачеркнутому в начале строчки «Пр», Пушкин хотел было начать строфу: «Прошли дни многие».

*** Слово «нет» Пушкин переделал в «лет», приписав петельку вверху к началу первой буквы и превратив таким образом букву «н» в «л» (см. снимок).

Прошли за днями дни, сокрылось много лет.
Где вы, бесценные созданья?

Третий стих намечен был так:

Иные далеко
многих нет (или «и скольких нет»).

Окончательный вид он получил такой:

Иные далеко, иных уж в мире нет —

(новый вариант любимой Пушкиным строки Саади; ср. эпитафия к «Бахчисарайскому фонтану» и стих в последней строфе «Евгения Онегина» — «Иных уж нет, а те далече»).

Не дописав заключительного — четвертого стиха, Пушкин перечеркнул всю строфу и принялся за последнюю. Ее рукопись имеет наиболее беспорядочный и трудно разбираемый вид.

Не буду приводить ее транскрипцию и подробно анализировать этот текст, укажу только основные этапы работы поэта. Первый стих начинался:

Люблю, люблю тебя без надежд;

затем, после ряда проб (в их числе был вариант «Как было некогда, я вновь тебя люблю»), получил окончательный вид:

Я твой по-прежнему, тебя люблю я вновь.

Вместо второго стиха мы видим в автографе только клочки, быстрым почерком набросанные и сейчас же зачеркнутые отрывочные слова: «без надежд», «без вниманья», «без упований», — а с другой стороны — «без сладострастья» (зачеркнуто и еще раз повторено «сладострастья»), «без наслаждений», «без желаний», «без темной ревности»... Из этого всего Пушкин в конце концов составил стих:

И без надежд и без желаний

и закончил строфу стихами —

Как пламень жертвенный, чиста моя любовь
И нежность девственных мечтаний

— отвергнув вариант последнего стиха —

И тихий (или «сладкий») жар моих мечтаний.

Окончив четвертую строфу, Пушкин приписал внизу еще один стих:

Со мной одни воспоминанья.

Куда он относится? Он не может начинать новую строфу, так как он короткий — четырехстопный, а первый стих строфы должен быть шестистопный. При прежних публикациях «набросков» его или оставляли, как последний, или им начинали «продолжение» (см. у Брюсова)*:

Со мной одни воспоминанья
Прошли забытые... дни многих лет
и т. д.

Между тем нетрудно видеть, что этот стих представляет собой недостающий четвертый стих недописанной третьей строфы. Пушкин хоть и зачеркнул ее, но все же, видимо, потом вернул-ся к ней и дописал. Действительно, поставив его на свое место, мы получаем вполне законченное четверостишие:

Прошли за днями дни. Сокрылось много лет.
Где вы, бесценные созданья?
Иные далеко, иных уж в мире нет...
Со мной одни воспоминанья.

Итак, разобранный черновик дает нам не разрозненные и не dokonченные «наброски продолжения», а следы большой работы, завершившейся созданием четырех вполне законченных и дописанных строф, из которых третья зачеркнута. Приведу их подряд:

Все тихо. На Кавказ идет ночная мгла.
Восходят звезды надо мною.
Мне грустно и легко. Печаль моя светла;
Печаль моя полна тобою.

Тобой, одной тобой. Унынья моего
Ничто не мучит, не тревожит,
И сердце вновь горит и любит — оттого
Что не любить оно не может.

[Прошли за днями дни. Сокрылось много лет.
Где вы, бесценные созданья?
Иные далеко, иных уж в мире нет —
Со мной одни воспоминанья.]

Я твой по-прежнему, тебя люблю я вновь.
И без надежд, и без желаний,
Как пламень жертвенный, чиста моя любовь
И нежность девственных мечтаний.

* Пушкин А. С. Полн. собр. соч. / Ред., вступ. статья и коммент. Валерия Брюсова. М.: ГИЗ, 1919. Т. 1. С. 299.

Можно ли считать эти четыре строфы цельным, законченным стихотворением? Я думаю, что нет. Третья строфа недаром вычеркнута Пушкиным, и переход от нее к четвертой звучит несколько натянуто. Может быть, вернее считать эти строфы своего рода «заготовкой», материалом для стихотворения. Из них, как сказано выше, две первые Пушкин печатал под названием «Отрывок». Можно сделать довольно вероятное, как мне кажется, предположение о том, почему он не печатал окончания стихотворения. Только что добившемся руки Натальи Николаевны жениху-Пушкину, вероятно, не хотелось опубликовывать стихи, написанные в разгар его сватовства и говорящие о любви к какой-то другой женщине («Я твой по-прежнему, тебя люблю я вновь»). В напечатанных же первых двух строфах этот мотив — новое возвращение прежнего чувства («И сердце вновь горит и любит») — настолько незаметен, что комментаторы, не знавшие «продолжения отрывка» (да и современники Пушкина, его знакомые), нередко относили эти стихи к самой Гончаровой³.

Не исключена возможность также, что те же соображения (опасения каких-нибудь конкретных применений) заставили Пушкина изменить первые два стиха и перенести место действия в Грузию —

На холмах Грузии лежит ночная мгла.
Шумит Арагва предо мною...

Впрочем, настаивать на этом мы не станем — возможно, что мотивы этих изменений у Пушкина были чисто художественные*.

---

* Кроме чернового автографа этих стихов, существует еще три беловика. Один — в Пушкинском Доме, повторяющий текст печатной редакции. Другой — в Берлинской Королевской библиотеке (опубликован и описан И. А. Шляпкинским сначала в № 1 «Русской старины» за 1893 г., с. 222, а затем в его книге «Из неизданных бумаг Пушкина» (СПб., 1903. С. 7—8), с отступлениями от печатного текста, большей частью восстанавливающими зачеркнутые варианты черновика: «На холмы Грузии ночная тень легла», «Тобой, одной тобой... мечтанья моего»; «И сердце живо вновь и любит — оттого...». Третий — хранящийся в Париже в собрании А. Я. Полонского; в нем второй стих звучит «блистают звезды надо мною» (и тут же приписан и зачеркнут печатный вариант — «Шумит Арагва предо мною»), а в пятом стихе так же, как во втором беловом автографе, — «мечтанья моего» (см.: *Алексеев М. П.* Новый автограф стихотворения Пушкина «На холмах Грузии» // *Временник Пушкинской комиссии.* 1963. М.; Л.: Наука, 1966).

Все тихо — на Кавказ идет ночная мгла.
    Мерцают звезды надо мною.
Мне грустно и легко, печаль моя светла,
    Печаль моя полна тобою.
Я твой по-прежнему, тебя люблю я вновь —
    И без надежд, и без желаний,
Как пламень жертвенный, чиста моя любовь
    И нежность девственных мечтаний.

Это стихотворение следовало бы печатать среди сочинений Пушкина рядом с «Отрывком» («На холмах Грузии»), как вполне законченную прекрасную вариацию того же замысла.

Пушкина» для иллюстрации своего положения о том, что вопрос о текстологической ценности автографов, рукописей по сравнению с прижизненным печатным текстом у нас мало «освещен с разных сторон в широкой исторической перспективе». При этом он пишет: «Вникая в эти стихи, С. М. Бонди приходит к выводу, что Пушкин после напечатания “Отрывка” создал новую редакцию этого произведения». Это — недоразумение. Я, очевидно, неясно выразился, и В. В. Виноградов неправильно понял мои слова. Я, конечно, имел в виду, что этот новый текст создан был Пушкиным еще до напечатания стихотворения «На холмах Грузии», что он вовсе не является «последней волей автора» и, как сказано у меня, «не отменяет известной печатной редакции».